

Р. А. ЮНАЛЕЕВА

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ

(Тюркизмы в русском языке
сравнительно с другими славянскими языками)



ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1982

Среди них выделяются следующие семантические подгруппы тюркизмов, обозначающие: 1) пришитый к одежде или носимый на поясе мешочек для мелких вещей (*карман, калита, зепь, кишень, чпаг*); 2) различного рода мешочки, сумки (*киса, капшук, калауз, култук, арчул, кисет*); 3) детали одежды, предназначенные для подпоясывания, затягивания одежды (*кушак, очкур*); 4) отделку или украшение одежды (*кайма, тесьма, бахрома, басма, алам, султан, алка, курпей, папук, каптурга, джияк, гаплик, кик, капторга*); 5) различного рода доспехи (*куяк, бутурлук, юшман*); 6) определенную деталь обуви (*каблук, базлук, капик*); 7) тюркизмы и новообразования на базе тюркских заимствований, обозначающие различного рода рукавицы (*бияй, кушаницы, накулачник*).

Тюркизмы *тесъма* (1427 г.)⁷, *кушак* (1489)⁸ и *кайма* (1486)⁹ наблюдаются с XV в. XVI веком датируются *кишень* (1589), *бахрома* (1568), *кутаз* (1556), *зепь* (1593), *юшман* (1548). О хронологии других слов пока можно судить лишь по первым лексикографическим показаниям, которые весьма относительны: *киса* (1771 г., Целлариус), *кисет* (1847 г., Слов. Ак. Росс.), *кушаницы* (1848 г., КСРНГ), *очкур* (1845, Бурнашев).

(1619 г.), *бешимет* (1654 г.), *шабур* (1655 г.), *емурулук* (1677 г.), *бурка* (1684 г.) и др. О хронологии ряда тюркизмов можно судить лишь по первым лексикографическим и другим показаниям: *киса* (1771 г.), *кумачник* (1780 г.), *казакин* (1792 г.), *очкур*, *накулачник* (1845 г.), *архалук* (1832 г.), *кисет* (1847 г.), *кушаницы* (1848 г.) и т. д.

Датировка и хронологическая характеристика заимствований весьма относительна и не претендует на окончательное решение, поскольку фиксация в памятнике письменности, хотя и является надежным показателем употребления лексемы в языке, однако не позволяет категорично считать ее годом вхождения: не исключено, что не сохранился или пока не обнаружен памятник, отражающий более раннюю дату. Производные, имеющие более древнюю фиксацию, логически углубляют хронологию самой производящей основы (ср.: *армяк* 'ткань' — 1705 г., *ормячное* — 1568 г.; *карман* — 1619 г., *карманник* — XVI в. и т. д.). Антропонимы, зачастую выступающие с опережающей аpellатив хронологией, дают в ряде случаев возможность уточнить временную характеристику последнего (ср.: *армяк*, *карман* и др.). Условной следует считать ссылку на словарь, поскольку он фиксирует, как правило, уже достаточно адаптировавшуюся в системе языка лексику. Отсутствие ее в предшествующих по времени словарях не обязательно свидетельствует о том, что исследуемого слова не было в речевом обиходе, а может быть связано с характером словаря, принципами отбора материала и т. д. Поэтому указанную фиксацию следует рассматривать как отражение уже бытования к этому времени лексемы, а не дату ее вхождения в заимствующий язык.

Анализируемые тюркизмы отражают разную степень связи со словом-этимомом. Одна разновидность демонстрирует полное совпадение, представляя собой перенесенную на русскую почву в готовом виде тюркскую форму, лишь подправленную по соответствующим фонетико-морфологическим закономерностям заимствующего языка (*емурулук*, *чекмень*, *тулуп*, *архалук*, *бешимет*, *киса*, *капторга*, *очкур* и др.). Другая разновидность отражает частичное совпадение тюркизма с этимомом, расхождения проявляются в формально или формально-семантическом изменении (*штаны*, *шаровары*, *зепь* и др.). Третью разновидность составляют лексемы, генетически восходящие к тюркской основе, но представляющие собой новообразования по русской модели и сохраняющие лишь косвенную семантическую связь с основой-этимомом (*кушачник*, *накулачник*, *кушаницы* и т. п.). Особый случай новообразования — вторичного порядка и семантического характера — представляет ассоциативно-семантический способ образования: *татарка* "шуба", *казачка* "женская кофта" и т. п. Новообразованиями третьего типа выступают тюркизмы, освоенные в качестве названий одежды и осложненные русскими морфемами: *полузипун*, *подзипунник*, *полукафтан*, *полукафтаны*, *полукушак*, *полукушачье* и т. п.

Все тюркизмы анализируемой тематической группы вошли в русский язык как названия конкретных реалий, и большинство из